

КРИЗИС ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕГЕМОНИИ: ПЕРЕНАПРЯЖЕНИЕ ГИПЕРДЕРЖАВНОСТИ США В XXI В.

В.В. Шишков
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-36-56

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

В статье анализируется политика и стратегия США конца XX – начала XXI вв. в контексте изменений системы международных отношений, в результате которых Америка получила возможность приобрести статус единственной сверхдержавы – гипердержавы, глобального центра силы и влияния. Рассматриваются целевые установки политики США, направленной на удержание мирового лидерства, обращения его в гегемонию, разработку и реализацию стратегии односторонних действий. Дается характеристика военно-политическим усилиям США по установлению и распространению своего влияния, удержанию военно-стратегического превосходства. Исследуются действия США по реализации стратегии односторонних действий. Показано, что в конце XX – начале XXI вв. основными объектами применения данной стратегии стали второстепенные державы, не обладающие потенциалом, который позволил бы им конкурировать с США. Реализация данной стратегии в отношении ряда государств даже в таких масштабах, привела к «имперскому перенапряжению» Америки и потребовала серьезного пересмотра стратегического планирования в 2010 и 2015 гг. В условиях продолжающегося снижения мощи США (экономической, технологической и военной) относительно других центров силы, именно политические методы и инструменты в совокупности с «мягкой силой» и военным давлением всё более выходят на первый план в реализации глобальных геополитических устремлений. Новыми императивами политики и стратегии США, при их неизменной ориентации на утверждение американского превосходства, становится ограничение России и Китая, вовлечение в орбиту влияния Вашингтона других региональных держав. Результатом такой «имперской» политики может стать возрастание напряженности и конфликтогенности в мировой политике.

Ключевые слова: постбиполярная система международных отношений, PaxAmericana, унилатерализм, гегемонизм, гипердержава, Стратегия национальной безопасности США 2010, Стратегия национальной безопасности США 2015, Национальная военная стратегия США 2015.

УДК 327
Поступила в редакцию
Принята к публикации

Мировые политические процессы начала второго десятилетия XXI в., связанные с событиями «арабской весны», повлекшей дестабилизацию Ближнего Востока и Северной Африки; образованием на территории Ирака и Сирии квазигосударства террористической организации ИГИЛ, объявившей «священную войну» ряду государств, распространяющей свою террористическую деятельность на всё новые регионы, в том числе Европу; неконтролируемый поток мигрантов в ЕС из ближневосточных и африканских стран, охваченных нестабильностью и конфликтами; кризис на Украине, приведший к вооружённому гражданскому противостоянию, поставивший под сомнение существование данного государства, чуть было не приведший к политико-экономической изоляции России и повлекший рост военно-политической напряжённости в Восточной Европе; наконец, нарастание конфликтности в Тихоокеанском регионе – все эти обстоятельства свидетельствуют о нарастающей эрозии политического миропорядка, формируемого после прекращения существования биполярной (Ялтинско-Потсдамской) системы международных отношений. Приход новой администрации избранного в конце 2016 г. президента США Д. Трампа придаёт новую актуальность исследованию внешней политики и стратегии американского лидерства последних десятилетий. Учитывая, что общего видения международных отношений и политики Америки – большой стратегии, Д. Трамп не представил ни в ходе предвыборной кампании, ни в первые недели своих полномочий [52], востребован анализ стратегических императивов позиционирования США в мире, имеющих определяющее значение для конкретных политических действий.

Если одним из базовых элементов Ялтинско-Потсдамского миропорядка стал баланс сил, выражающийся в стратегии сдерживания, которой на разных этапах холодной войны следовали в большей или меньшей степени обе участвующие в противостоянии мировые силы – США и СССР, то после завершения этого идеологического, политического, экономического и военного глобального противостояния в основу нового миропорядка «победившей» стороной было предложено положить принцип признания лидера современного мира – США – в качестве единственной мировой политической силы – гипердержавы. Данный тезис нашёл наиболее полное выражение в период «военного» президентства Дж. Буша-младшего. Его развернутое обоснование было представлено в Стратегии национальной безопасности (2002 г.), а также в ряде официальных выступлений и публикаций высших должностных лиц США тех лет [46; 42; 9; 50; 40, 41, 33, Р. 42–43.].

Целью настоящей статьи является анализ доктринального и практического выражения гегемонистской политики США в постбиполярный период. Вопрос об изменениях в политике США, при сохранении общего её вектора по утверждению глобального лидерства, в отношении других государств, а также о путях и способах её реализации имеет ключевое значение для понимания современной мировой политики. Определение направлений трансформации внешнепо-

литической стратегии США на протяжении правления нескольких президентов, соотношения декларируемых политических установок и реальных шагов по укреплению сверхдержавного статуса, как представляется, будет способствовать выявлению логики внешнеполитической деятельности Вашингтона в отношении России, а также более определённого прогнозирования дальнейших его действий. Данное обстоятельство тем более актуально, что Д. Трамп и его администрации ещё только предстоит систематизировать и изложить в завершённом виде собственное видение стратегических приоритетов внешней политики США, политики безопасности, форм её выражения и способов реализации.

Следует сказать, что проблема, связанная с лидерством США в постбиполярный период, и стремление Вашингтона конвертировать своё экономическое и военное превосходство в мировую гегемонию неоднократно рассматривалась в отечественной и зарубежной политической науке. Наибольшую известность получили работы Э. Басевича, Т. Барнета, Э.Я. Баталова, А.Д. Богатурова, З. Бжезинского, Ф.Г. Войтоловского, Ф. Закарии М.М. Лебедевой, К. Лейна, С. Рича, Р.Н. Лебоу, М.Манна, А.С.Манькина, Е.М. Примакова, В.О.Печатнова, Б.Р. Позена, Э.Л. Росса, А.И. Уткина, С. Уолта, Н. Хомского, Т.А. Шаклеиной и др. В этих трудах исследуются идейные истоки гегемонистской политики США, их роль и цели в формировании современного миропорядка, рассматриваются проблемы соотношения государственной мощи и международного правового порядка, а также взаимосвязи внутренней и внешней политики Вашингтона и другие вопросы. Вместе с тем изменения в мировой политике последних лет определяют необходимость по-новому рассмотреть политику Америки в свете актуального баланса сил между державами, смещения военно-политических усилий США в сторону Тихоокеанского региона и новой напряженности в отношениях с Россией.

На страницах авторитетного американского журнала *Foreign Affairs* М. Торнберри и Э. Крепиневиц ставят вопрос об угрозе безопасности США со стороны «ревизионистских держав» [48]. О необходимости новой стратегии США, соответствующей актуальным вызовам, там же пишет один из видных теоретиков «американской империи» Э. Басевич [31]. Всё большее внимание эксперты США уделяют Китаю, оценивая его перспективы стать доминирующей силой в Евразии [35, 32]. При этом Россия продолжает оставаться в фокусе внимания американского истеблишмента, о чём свидетельствует не только обсуждение её политики во время президентской предвыборной кампании, но анализ геополитики России, её внешнеполитического потенциала, вопросов его использования американским экспертным сообществом¹. И хотя говорить о новой холодной войне, как об идеологизированном военно-политическом противостоянии двух социальных систем нет достаточных оснований, тем не менее, Россия представляется в качестве одной из главных «ревизионистских держав». В связи с этим представленный в данной статье анализ политики США последних лет

¹ см. например: *Foreign Affairs* № 3, центральной темой которого является Россия.

направлен на исследование путей и способов реализации внешнеполитических доктринальных установок США и поиск американским политическим руководством новых методов сохранения своего центрального положения в мировой политике.

Несколько слов следует сказать о применяемой в статье терминологии. Понятие «гегемония» получило различные трактовки в теории международных отношений: реалисты абсолютизируют материальное измерение мощи государства, А. Грамши указывал на консенсусную природу гегемонии, необходимость её признания (легитимации), Р. Кокс говорит о необходимости морального превосходства, а Р. Гилпин уделяет значительное внимание идеологическому лидерству и престижу. Теоретически можно говорить о разных стадиях гегемонии: от материально-силового диктата к использованию престижа в целях легитимации своего превосходства и управления. Но, так или иначе, гегемония означает взаимосвязь материальных и нематериальных факторов, такое превосходство, которое позволяет диктовать правила участникам отношений. В этом плане лидерство США в современном мире по ряду параметров (технологии, военная мощь и др.) является потенциальной, но нелегитимизованной гегемонией.

«Баланс сил» является ещё одним дискуссионным термином современной теории международных отношений [51]. В связи с этим необходимо отметить, что понятие «баланс сил» означает не только равное распределение мощи и влияния между ведущими участникам международных отношений, но и возможность конкурентной политики между ними [43]. Иными словами, это ситуация отсутствия единственного гегемона.

Наконец, следует пояснить использование в статье термина «гипердержава». Применительно к каждой эпохе развития мировой политики её ведущие силы описывались при помощи характерных терминов: «великие державы», «сверхдержавы». Как отмечает Т.А.Шаклеина, «после окончания эпохи биполярного порядка неоднократно поднимался вопрос о том, что же такое Соединённые Штаты для остального мира: империя, одна из ведущих мировых держав, лидер, гегемон» [28, с. 8]. Основной особенностью современного, постбиполярного этапа являются гегемонистские устремления США по формированию мирового порядка, отвечающего их интересам. Данные устремления реализуются в условиях отсутствия уравнивающего противодействия какой-либо иной державы или скоординированных усилий союза держав [1]. В этой связи, как представляется, выбранный термин является достаточно ёмким для того чтобы определить действительные политические устремления США и современные особенности мировой политики.

В центре исследовательского внимания находится стратегическая линия США в мировой политике. С учётом приведённых особенностей современных международных отношений такая политика может быть охарактеризована как гипердержавная. При этом администрации последних лет (Дж. Буша и Б. Обамы) поразному видели пути и способы её реализации, вызовы и угрозы, что на-

ходило выражение в доктринальных документах и политических действиях, рассматриваемых в статье. Учёт данных особенностей позволяет более определённо говорить о политике новой администрации в контексте формирования новой стратегии США и конкретных политических шагов.

Сложившаяся после Второй мировой войны система мировой политики может рассматриваться в качестве своего рода продолжения европейской традиции баланса сил, противодействия наиболее могущественной державе, ограничения её доминирования со стороны других крупных держав. Особенности послевоенного мироустройства состояли в том, что в эпоху холодной войны баланс сил обеспечивался примерным равенством экономической и военной мощи только двух противостоящих блоков. Кроме того, взаимное балансирование и сдерживание во второй половине XX в. приобрело в полной мере глобальный характер. Политика баланса перестала быть составляющей европейской политики, а стала пронизывать в контексте блокового противостояния международные отношения практически во всех регионах мира на глобальном уровне.

С конца XX в. традиция, преобладающая в Европе со времён завершения Тридцатилетней войны, оказалась прервана. Военно-политический, экономический и геополитический баланс оказался разрушен. Оставшаяся «одинокая сверхдержава» – США [см.: 34] – теперь получила возможность не только окончательно закрепить своё положение лидера Западного мира, приобретённое по итогам Второй мировой войны, но и получить признание в качестве гипердержавы – единственной мировой силы, способной к новому пререформатированию международных отношений на основе либеральной идеологии [47; 49]. По сути дела на рубеже XX и XXI вв. мир оказался перед перспективой образования нового имперского пространства – PaxAmericana – создания такой модели международной политики, в которой на все государства распространяются внутриполитические правила и стандарты одной страны, использующей для этого своё экономическое и военно-политическое превосходство. Также существенной чертой формирующейся новой модели стало, с одной стороны, стремление США придать глобальный характер своим национальным интересам, закрепить их потенциальное проявление в любом регионе мира, а с другой стороны, отрицание США и их союзниками права других государств на проецирование своих интересов за пределы собственных государственных границ.

Представляется, что это стало одним из фундаментальных противоречий наряду с прочими: несопоставимостью либерально-демократических принципов и военно-силовых способов их установления, политикой двойных стандартов по ряду других вопросов, подрывающих перспективы стратегии гипердержавы по переходу от лидерства к признанному мировым сообществом доминированию.

Следует отметить, что данные противоречия не были разрешены ни в период президентства Дж. Буша-младшего, ни Б. Обамы. Более того, представляется возможным говорить о том, что в последние годы Вашингтон избегал обсуждения проблемы соотношения национальных и глобальных интересов Америки.

Д. Трамп заявил национальные интересы США в качестве безусловного приоритета, но пока проблематично говорить о том, удастся ли новой администрации предложить своё решение этого и других противоречий политики США.

На протяжении первого десятилетия XXI в. политика США не встречала серьёзного противодействия. Военно-политические акции в период президентства Дж. Буша-младшего, осуществляемые в соответствии с доктриной односторонних действий в отношении угроз США, привели к вторжениям в Афганистан и Ирак. Как отмечает А.Д. Богатуров, «концепции «смены режимов», «упреждающих ударов» и «принудительного разоружения» администраций Дж. Буша были построены на идее легализации, придания статуса международно-правовой нормы прецедентам вооружённых интервенций США в случаях, когда американская администрация находила это нужным и неопасным для Соединённых Штатов» [5, с. 10]. Следует отметить, что в своих концептуальных основах данные положения восходят к комплексу документов стратегического планирования Вашингтона, опубликованных ещё в 1992 г., авторство которых принадлежит Л. Либби, П. Вулфовицу, Р. Чейни. В этих документах закладывались основы односторонних действий Вашингтона по предупреждению появления нового соперника их могуществу [39]. По сути, как отмечал Е.М. Примаков, в концепции односторонних действий закладывался «теоретический фундамент под идею «глобальной гегемонии» Соединённых Штатов после окончания холодной войны» [22, с. 30]. Тем не менее, следует признать, что эти взгляды не нашли полного отражения в официальных доктринальных документах США. Также сложно говорить об их последовательном воплощении во внешнеполитической деятельности Вашингтона.

Вторжение в Ирак так и осталось единственным примером односторонней военно-политической акции в период «военного» президентства Дж. Буша мл. Осуществление военных операций в Ираке и в Афганистане потребовало от США привлечения дополнительных ресурсов. Причём, несмотря на то, что военный бюджет был и так наибольшим в мире, расходы на проведение этих военных операций привели к тому, что перед США встала проблема перенапряжения сил [25, с. 254].

Военно-политическая деятельность США в постиракский период вписывается в рамки доктринальных положений руководящих политических и военно-политических документов США в 2010 г., которые предусматривали отход от политики «силовой гегемонии» предыдущей администрации и обращение к «всеобъемлющему вовлечению». Новая редакция Стратегии национальной безопасности, обнародованная в 2015 г., представляет собой 29-страничный документ, основным лейтмотивом которого выступает идея нового лидерства Америки в XXI в. [38].

Существенным отличием СНБ-2015 стало выражение в этом документе идей о том, что несмотря на сохраняющееся лидерство США в мире, их возможности становятся всё более ограниченными, что вынуждает Америку выбирать поли-

тические приоритеты и следовать принципу стратегического терпения (strategic patience). Ещё одной особенностью документа 2015 г. стало более пристальное внимание к России (15 упоминаний) и Китаю (13 упоминаний). Если в СНБ-2010 г. эти государства рассматривались как одни из центров влияния мира XXI в., то в документе 2015 г. Россия по большей части упоминается как государство, осуществившее акт агрессии (государство-правонарушитель (transgressor)), а в отношении Китая можно увидеть призыв к отказу от девиантного, с точки зрения Вашингтона, поведения [4, с. 59]. В целом же СНБ-2015 хотя и указывает на то, что залогом сохранения лидерства США в мире выступают внутренние экономико-технологические трансформации, Америка готова к новому сдерживанию возможных конкурентов.

В 2015 г. была также принята новая Национальная военная стратегия США [45], которая также содержит посыл о готовности Америки отстаивать своё мировое лидерство, в том числе и военными средствами. В центре внимания авторов данного документа находятся факторы, препятствующие американскому лидерству как основе международного порядка, залогом глобального процветания и распространения общечеловеческих ценностей.

Несмотря на то, что этот 17-старничный документ является наименее конкретным и детализированным по целям и задачам в сравнении с предыдущими его вариантами [18, с. 3], всё же в нём, как и в СНБ-2015, нельзя не увидеть прямых указаний на готовность Вашингтона противодействовать в том числе и военными средствами попыткам подорвать лидерство Америки в глобальном масштабе и политический авторитет США на региональном уровне. В документе говорится, что хотя вероятность военного конфликта США с другой крупной державой маловероятна, но она постоянно возрастает. Россия напрямую обвиняется в подрыве региональной безопасности и нарушении международных договорённостей, в том числе Договора о РСМД. В отношении Китая говорится, что его действия в Южно-Китайском море противоречат международному праву и могут привести к контролю над важнейшими морскими путями.

Америка представлена в качестве оплота глобальных процессов демократизации и экономического процветания. США находятся в центре сети союзников и партнёров, безопасность которых гарантирована мощью США. Ведущие позиции среди них занимают государства НАТО, Австралия, Япония и Южная Корея. Также подтверждается переориентация военной мощи США в АТР при сохранении приверженности союзническим обязательствам в Европе.

Актуальные документы в сфере обеспечения безопасности США сохраняют приверженность принятому администрацией Б. Обамы подходу «стратегии вовлечения» при возрастающем внимании противодействию росту геополитического влияния со стороны России и Китая в тех регионах, которые данные государства рассматривают в качестве приоритетных сфер своих национальных интересов. С учётом того, что положения рассмотренных документов не явля-

ются просто декларациями, а сопровождаются наращиванием военной, и, в том числе стратегической инфраструктуры вблизи границ России (развертывание ПРО и реализация инициативы по постоянному размещению военной техники США в Восточной Европе) и Китая (расширение военного присутствия в Юго-Восточной Азии), следует говорить о том, что концептуальные основы политики США, заложенные ещё в начале 1990-х гг., вновь находят своё применение.

Здесь следует более подробно рассмотреть военно-политические усилия США по проецированию своей мощи, их соотнесение с положениями доктринальных документов. В этом плане показательны военные расходы и система военного базирования.

По разным оценкам расходы на войну в Ираке и Афганистане составили от 1,6 трлн долл. (по данным доклада Исследовательской службы конгресса) [8], до 4 трлн долл., причем 1,7 трлн ушло непосредственно на финансирование военных операций в Ираке, а 490 млрд – на различные выплаты ветеранам войны, по данным исследования *Costs of War*, проведённого Институтом международных исследований при Брауновском университете [26]. За тринадцать лет в Ираке погиб 4 491 гражданин США, а более 32 тыс. получили ранения, в Афганистане погибли 2 356 американцев, а свыше 20 тыс. были ранены. Кроме того, более 128 тыс. американских военных, служивших в Ираке и Афганистане, получили серьёзные психологические травмы, вызванные сильным стрессом [8].

В целом же за восемь лет президентства Дж. Буша мл. военные расходы увеличились почти в два раза с 316 млрд долл. в 2001 г. до 667 млрд долл. в 2008 г. При этом доля Соединённых Штатов в мировых военных расходах к 2008 г. достигла своего максимума 42–46% (1994 г. – 34%, 1986 г. – 28%) [23, с. 36].

С приходом администрации Б. Обамы ситуация мало изменилась. Общие военные расходы США в 2009 г. составили 666 млрд долл. [14, с. 100], а численность вооружённых сил достигала 2,2 млн человек. К 2010 г. доля США в военных расходах стран мира сохранялась на уровне 43% [7].

Как отмечают исследователи В.Н. Кобышев и А.А. Сергунин, только к 2012 г. удалось перейти к запланированному сокращению военных расходов. Данное сокращение достигалось главным образом свертыванием военного присутствия в Ираке и Афганистане. Основные же военные программы, такие как создание систем для нанесения быстрого глобального удара, обеспечение американского превосходства в сухопутных и военно-морских силах, а также в космосе и в киберпространстве сокращению не подверглись [14, с. 109]. В 2013 г. военные расходы США составили уже 37% от общего размера таких расходов в мире, которые достигли \$1,75 трлн [7]. Отметим здесь, что предвыборная риторика Д. Трампа исходила из целесообразности наращивания вооружений США, значительное внимание уделяя увеличению ВМС. Данное обстоятельство указывает на то, что вооружённые силы рассматриваются новым президентом в качестве одного из основных инструментов внешней политики и поддержания гипердержавного статуса.

Даже сокращение военных расходов, связанное со свертыванием военного присутствия в Ираке и Афганистане, сохраняет за США лидирующее положение в военной сфере. Как видно из планов по разработкам вооружения, Вашингтон стремится к качественному военно-техническому превосходству в военной сфере над всеми остальными странами, особенно в отношении новых современных стратегических вооружений. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что военно-технические разработки опять же связаны с совершенствованием ядерного оружия, а также направлены на поиск адекватной замены ядерным стратегическим наступательным вооружениям (быстрый глобальный удар) и формирование эффективной системы защиты, препятствующих их применения другими государствами в отношении самих США и их союзников (система ПРО). В целом же речь идёт не о сокращении военных расходов США, а о приведении их в соответствие со стратегическими интересами и приоритетами.

Одновременно с мерами по повышению сбалансированности военных расходов США осуществляют переориентацию своего военного присутствия за рубежом. США располагают почти 800 военными базами, размещёнными за пределами их территории. Эти военные базы размещаются в 160 странах мира [44]. С начала второго десятилетия XXI в. США, по мере завершения военных операций на Ближнем Востоке и Центральной Азии, осуществляют перенос своих военно-политических усилий в Азиатско-Тихоокеанский регион. «Возвращение» США в АТР предусматривает целый комплекс политических, дипломатических, экономических и военных мер, направленных на противодействие росту геополитического влияния Китая. В политико-дипломатическом отношении США заявляют о своём лидерстве в регионе и принятии на себя гарантий безопасности в отношении государств-союзников. В экономическом отношении Вашингтон выступил с инициативой «Тихоокеанское партнёрство» (Trans-Pacific Partnership) – торгового соглашения, охватывающего тихоокеанские страны Азии и Америки [17]. В военном плане США наращивают своё присутствие в регионе с 2011 г. Отправной точкой этих действий можно считать визит Б. Обамы 16-17 ноября 2011 г. в Австралию, в ходе которого было подписано соглашение об американском военном присутствии в Дарвине и сделано заявление о расширении военного присутствия США в АТР [2]. Сокращение Вашингтоном военных расходов, о котором было сказано выше, не должно сказаться на военном присутствии США в регионе [24]. Скорее следует говорить о наращивании военного присутствия вооружённых сил Америки в регионе. Прежде всего, это выражается в расширении существующей системы военного базирования.

Так, в 2014 г. было подписано «Соглашение по расширенному оборонному сотрудничеству» между США и Филиппинами, позволяющее Америке расширить своё военное присутствие на островах [13]. Показательным является то, что США намерены открыть в Южной Корее новую военную базу – крупнейший зарубежный военный объект США. На работы по её созданию потрачено в общей сложности более 13 млрд долл. Новая база будет расположена в районе южноко-

рейского города Пхентхэк, в 70 км к югу от Сеула. Официальное открытие крупнейшей в мире военной базы США должно состояться в 2017 г. [6]. В целом же документы военного планирования США предусматривают, что к 2020 г. более 60% кораблей и самолётов из общего состава ВМС и ВВС США будут дислоцироваться в АТР. Здесь будут размещены самые современные вооружения, в том числе корабельные средства ПРО, подводные лодки, а также самолёты разведки, наблюдения, распознавания и целый ряд других систем [10]. Уже сейчас непосредственно в регионе находится около 60 военных кораблей [3, с. 12], а всего в подчинении Тихоокеанского командования находятся 2/3 сил морской пехоты США, около 200 кораблей, включая 41 атомную ударную подводную лодку и пять авианосных ударных групп [10]. С учётом того, что руководящие документы Пентагона всё большее внимание уделяют морской мощи как основному инструменту военной политики США (A Cooperative Strategy For 21st Century Seapower), заявления представителей высшего политического руководства США о смещении фокуса политического влияния в АТР находят реальное подтверждение.

Все эти действия США направлены на противодействие росту экономического и геополитического влияния Китая. Китайские аналитики отмечают, что развитие событий может пойти по двум основным вариантам: сдерживание или вовлечение Китая [16, с. 136-138]. Последние события, связанные с ростом напряжённости в Южно-Китайском море вокруг возводимых Китаем искусственных островов (архипелаг Спратли), показывают, что США также не рассматривают дружеские отношения с Китаем в качестве неперемного вектора своей тихоокеанской политики [20].

Необходимо отметить, что в последнее время происходит и наращивание военного присутствия США и в Восточной Европе, в том числе и в странах непосредственно граничащих с Россией. Хотя эти шаги сложно рассматривать в качестве полномасштабного военного развертывания, они направлены на подтверждение обязательств США перед НАТО, восточноевропейскими странами блока и сдерживание России. При этом обращает на себя внимание тот факт, что администрация Д. Трампа оставила в силе данные решения.

Исходя из рассмотренного материала, следует говорить о том, что военные средства достижения политических целей остаются приоритетными для США при реализации гегемонистских устремлений. При этом распределение военной мощи и конфигурация военного присутствия в мире меняются вслед за изменением взглядов и оценок в отношении вызовов и угроз политике США.

Рассмотрение политической и военной стратегии Вашингтона убеждает с одной стороны, в том, что разработанная в своих основах после распада СССР стратегия односторонних действий, направленных на противодействие образованию глобальных и региональных центров силы, способных конкурировать по своей мощи и влиянию с США, продолжает определять действия высшего политического руководства Америки. На протяжении всего постбиполярно-

го периода США не только декларировали незыблемость своего лидерства, но и направляли свои политические, экономические, дипломатические и военные усилия на его поддержание и укрепление. Об этом в частности свидетельствуют меры по поддержанию не просто мирового военного лидерства, а формированию такого военно-стратегического потенциала, который свидетельствовал бы о существенном превосходстве США над силами любого другого государства или теоретически возможной коалиции. О сохранении данной тенденции, как показывает проведённый анализ, можно говорить и после объявленного сокращения военных расходов США, связанного преимущественно со свертыванием военного присутствия в Ираке и Афганистане.

С другой стороны, при реализации своих гегемонистских устремлений США проявили определённую непоследовательность. Основными объектами стратегии односторонних действий должны были стать государства – потенциальные центры силы, способные бросить вызов глобальному доминированию Америки. В практике политики США данная стратегия оказалась направлена против так называемых «государств-изгоев» («государств-ретроградов», «недобропорядочных государств»). В их числе оказались страны, мощь и влияние которых заведомо были несопоставимы с могуществом США (например, Югославия, Ирак, не говоря уже о Сомали и Гаити). На протяжении 1990-х и 2000-х гг. политика США оказалась направлена не столько на противодействие новым центрам силы, сколько на их вовлечение в процессы глобализации, прежде всего в финансово-экономическом плане.

Исключением здесь выглядят действия, предпринимаемые в отношении России, включающие в себя расширение НАТО и развертывание районов ПРО в Европе. Отметим, что хотя Дж. Миршаймер и указывает на то, что расширение НАТО не направлено против России. Тем не менее, он вынужден признать, что российское руководство не могло воспринимать эти действия иначе как угрожающие «ключевым стратегическим интересам» [37]. При этом полноценная институционализация вовлечения России в процессы экономической глобализации состоялось только в 2012 г. с её принятием в ВТО. Тем не менее, следует признать, что даже в отношении России – государства, располагающего стратегическим потенциалом, способным нанести неприемлемый ущерб Америке и стремящегося к реализации собственного интеграционного проекта в Евразии, стратегия односторонних действий не применялась последовательно и в полном масштабе. До 2014 г. в отношениях между Россией и США можно выделять периоды большего или меньшего тесного взаимодействия, хотя в последние годы общий тренд состоял в нарастании напряжённости.

Несмотря на то, что основной фокус геополитического внимания и приложения сил США был смещён на Ближневосточный регион, их политика, декларирующая необходимость повсеместной демократизации, в соответствии с американскими либеральными стандартами сопровождается действиями, вполне соответствующими классическим положениям политического реализма.

Это выразилось в расширении НАТО и подготовке к размещению района ПРО в Восточной Европе – действиях, вполне определённо несущих опасность для России. Наконец поддержка США новой украинской власти привела к открытой конфронтации с Россией, введению против неё экономических санкций и наращиванию военного присутствия у её границ. Всё это может рассматриваться в рамках предложенной в начале 1990-х гг. стратегии недопущения нового глобального конкурента влиянию США.

Стратегия односторонних действий США имеет ещё один аспект. Как уже отмечалось, объектами её политики стали «государства-изгои», не обладающие военно-политическим потенциалом, который давал бы им возможность сколько-нибудь эффективно противостоять военной мощи США. Сокрушение сопротивления Югославии и Ирака заняло у военной коалиции, возглавляемой США, 78 и 21 день соответственно. Тем не менее, последовавшие после вторжения в Ирак и Афганистан события продемонстрировали, что участие в двух локальных противопартизанских конфликтах приводит Америку к не допустимому перенапряжению ресурсов. В целом же вся политика Вашингтона в отношении «Большого Ближнего Востока», проводимая в первые годы XXI в., привела не к декларируемой демократизации режимов, а к нарастанию межгосударственных и этнорелигиозных противоречий.

Всё это в совокупности указывает не столько на неспособность США к гегемонистской, «имперской» политике, сколько демонстрирует результат неудачного совмещения в рамках политической доктрины неоконсерватизма либеральных и реалистических представлений о международных отношениях. Данное совмещение привело к противоречивому результату. С одной стороны, принудительная демократизация, наиболее последовательно проводимая в Ираке, Афганистане, а затем в некоторых государствах, охваченных «арабской весной», не дала положительного результата. С другой стороны, идеологизация политики под знаком ценностей либеральной демократии при одновременном использовании силового инструментария привела к тому, что распространилась практика двойных стандартов, а доверие к США со стороны других участников международных отношений оказалось подорвано.

М. Манн в своей работе «Непоследовательная империя» применяет основы своей исследовательской методологии, направленной на изучение империй прошлого, к современным США. Исследователь рассматривает четыре составляющих американской мощи – военную, экономическую, политическую и идеологическую. Ни по одному из параметров США не могут претендовать на доминирование в современном мире. Неформальная империя США управляла посредством местных имущих классов. Теперь же Америке всё труднее находить поддержку особенно среди демократий развивающихся стран. [36, р. 88]. М. Манн приходит к выводу о том, что ей нечего предложить современному миру для утверждения своего господства, можно опираться только на моральные догмы и неосуществимые угрозы.

Тем не менее, сколько бы некоторые американские политические эксперты не пытались отрицать факт «имперского перенапряжения» [1, с. 132], оно всё больше сказывается на политике Америки, вызывая острые противоречия в политической элите США [19]. Военные и политические усилия США по сдерживанию СССР были оправданы в глазах американского общества, необходимостью защищать национальные интересы и ценности. В то время как реализация гегемонистских устремлений и поддержание глобальной военной инфраструктуры в современных условиях дискуссионна для немалой части американцев, в том числе экспертов. Всё чаще раздаются голоса в пользу отказа от избыточных гегемонистских устремлений и пересмотра стратегии либеральной гегемонии в сторону её большей гибкости [21, с. 116, 124]. Нельзя исключать того, что впечатление о необоснованных тратах ресурсов на вмешательство, в том числе военное, в разных регионах мира сыграли свою роль в формировании американского общественного мнения на последних выборах. Эти и другие, подобные, мнения звучат на фоне не прекращающихся усилий США навязать свою политическую линию как своим союзникам (ведущим государствам Европы в рамках НАТО), так и конкурентам на макрорегиональном уровне (Китай). Более того, хотя за последние годы США не осуществляли военных вторжений наподобие иракской войны, их военная активность не была значительно снижена. Прямо (как в Ливии) или косвенно (например, в Сирии) США осуществляют поддержку сил псевдодемократии, реализуя свои геополитические интересы. Наглядным свидетельством этому является политика США на Украине, состоящая в поддержке радикальных политических сил в этом государстве, и использовании в антироссийской политике государств Европы (Германии, Франции, Польши и др.).

Последние события, связанные с сирийским кризисом, также свидетельствуют, что политика США направлена на смещение режима Б. Асада, его свержение руководством Белого дома рассматривает как неперемное условие разрешения гражданского конфликта в Сирии [12]. Вашингтон, отказавшись от непосредственного вовлечения в кризис и использования крупных контингентов вооружённых сил, стремится к благоприятному для себя развитию событий посредством всё большего вовлечения в кризис государств региона – Турции, Саудовской Аравии и других.

Безусловно, данные государства преследуют в сирийском кризисе и собственные геополитические интересы, тем не менее, их действия в значительной степени обусловлены поддержкой США и НАТО. Вовлечённость этих государств в кризис связана не столько с борьбой против «Исламского государства», сколько направлена против режима Б. Асада, а развертывание их вооружённых сил на границе с Сирией [27, 30, 11, 29] следует рассматривать как давление в отношении не только сирийского правительства, но и России, осуществляющей в Сирии свою операцию против «Исламского государства».

Такая стратегия напоминает предложения Э. Люттвака по формированию и реализации «имперской» политики США по аналогии с Византией [15], подразу-

мевающей широкое привлечение сил союзников и сателлитов для выполнения миссий в интересах гегемона. Но всё же, если говорить об аналогиях при оценке современного положения США, то больше подходит сравнение не с Византией или популярная аналогия с Британской империей, а с «Испанской империей» XVI-XVII вв. Для Европы того времени она тоже может быть охарактеризована как «единственная сверхдержава», так же как США Испания приняла на себя обязанности по обеспечению безопасности, только в европейском масштабе, и от угроз того времени – натиска Османской империи и распространения протестантизма. Подобно современным США Испания обладала неиссякаемым источником ресурсов – американским серебром (для США такой ресурс – финансовая зависимость от них большинства стран мира). Испания также вела военные действия на нескольких фронтах, в разных уголках мира, но не смогла преодолеть имперского перенапряжения и нарастающего противодействия набирающих мощь других центров силы.

Анализ политики и стратегии США в постбиполярный период позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, политические устремления США направлены на установление такой системы международных отношений, которая бы обеспечила незыблемый характер их гегемонии. После прекращения существования СССР в основу стратегии США был положен тезис о необходимости препятствовать появлению новой глобальной державы, способной бросить вызов США. Однако в конце XX в. США, оказавшись в положении одинокой сверхдержавы – гипердержавы, не имели достойных конкурентов, которые могли бы рассматриваться в качестве объектов такой стратегии.

Во-вторых, уже в начале XXI в. концепция унилатерализма получила новую интерпретацию, в которой были более полно и последовательно выражены неоконсервативные взгляды её авторов. Идеология и практика новой глобальной «империи» оказались обусловлены необходимостью содействовать повсеместной демократизации путём силового установления либерально-демократических режимов. Основным объектом применения новой стратегии стали страны «Большого Ближнего Востока». Такая стратегия привела к перенапряжению ресурсов США и подрыву их авторитета в мире.

В условиях продолжающегося снижения мощи США (экономической, технологической и военной) относительно других центров силы, именно политические методы и инструменты, в совокупности с «мягкой силой» и военным давлением всё более выходят на первый план в реализации глобальных геополитических устремлений. При этом отсутствуют достаточные основания для того, чтобы говорить о том, что США в обозримой перспективе полностью утратят своё влияние на фоне подъёма других центров силы. Проведённый в статье анализ позволяет указывать на то, что Вашингтон находится в поиске оптимальной (с точки зрения возможных затрат не только материальных ресурсов, но и репутационных издержек) политики и стратегии достижения своих внешнеполитических целей. США, избегая прямого вовлечения в наиболее острые конфликты

последних лет, активно применяя так называемую «мягкую силу» и дипломатию, стремятся занять положение арбитра в международных отношениях.

Императивом остаётся сохранение ситуации, при которой обеспечивается недопустимость появления государства-соперника глобальной мощи и амбициям США. В то же время стратегия глобального лидерства имеет выраженную гегемонистскую составляющую, содержание которой состоит в необходимости определять «правила игры» в мировой политике. Данные правила всё больше связаны со стремлением контролировать распределение экономических ресурсов (проекты трансатлантического партнёрства) и применение силы (расширение НАТО, поиск союзников в Тихоокеанском регионе и других регионах). На деле идейно-политическое (далеко не безусловное) и экономико-технологическое лидерство США всё более обеспечивается гегемонистскими притязаниями, поиском своей легитимации в качестве «гегемона» хотя бы в системе сформированных союзов.

При этом военно-силовой фактор остаётся значимым инструментом политики США и его усиление, как уже отмечалось, станет одним из приоритетов новой администрации.

Для Д. Трампа «возвращение величия Америки» стало одним из основных лозунгов его избирательной кампании, и обеспечение заявленной цели будет иметь и внешнеполитическое выражение. В терминах данной статьи гипердержавность останется императивом для действий Вашингтона в международных отношениях. Другое дело, что в отсутствие доктринальных установок эта деятельность приобретет менее предсказуемый характер, а военно-силовые инструменты могут начать использоваться чаще и с меньшей оглядкой на мировое общественное мнение. В итоге Д. Трамп может реализовывать не менее «имперскую» политику, чем администрация Дж.Буша-младшего.

События вокруг Украины, нарастание напряжённости в Южно-Китайском море являются своего рода маркерами, отражающими возвращение США к политике противодействия центрам силы в Евразии. После завершения ближневосточных авантур, связанных с силовым насаждением либеральной демократии, Вашингтон вновь обращает внимание на недопустимость образования сфер политического влияния другими государствами. Данный подход с высокой долей определённости нашёл отражение в СНБ-2015 и Национальной военной стратегии-2015. Таким образом, вполне вероятной выглядит возможность продолжения роста напряжённости в отношениях США, их союзников с Россией и Китаем, а также возрастание конфликтности в регионах, прилегающих к границам указанных государств.

В начале статьи указывалось, что после завершения холодной войны традиция поддержания баланса сил в международных отношениях оказалась прервана. США заняли имперское положение гипердержавы, единственного глобального центра силы. Как показывает исторический опыт, противодействие единственному центру силы оказывается связано с масштабным кризисом. Тем не менее,

нарастание кризисных и конфликтных ситуаций в современных международных отношениях само по себе не гарантирует перехода к многополярности. Необходимым условием является взаимное признание новых центров силы в рамках сложившейся геополитической конфигурации и системы распределения ресурсов. В XVII в. основы такого миропорядка были закреплены Вестфальским миром и воспроизводились последующими моделями международных отношений. Перспективы такого всеобъемлющего соглашения в современных условиях выглядят неопределёнными. По крайней мере до тех пор, пока США будут следовать идеологизированным представлениям о международных отношениях, своей роли в них и располагать возможностями по их реализации.

Список литературы

1. Айкенберри Дж, Брукс С., Уолфорт У. Назад пути нет // Россия в глобальной политике. 2013. №1. С. 130 – 145.
2. Акишев М. Возмутители тихоокеанского спокойствия. «Expert Online» 18.11.2011. URL: <http://expert.ru/2011/11/18/vozmutiteli-tihookeanskogo-spokojstviya/> (дата обращения: 28.01.2016).
3. Американская стратегия «перебалансировки» сил в АТР и интересы национальной безопасности России // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 4 (31). С. 9-43.
4. Бартенев В. «Стратегия национальной безопасности США» 2015 года: от всеобъемлющего к селективному вовлечению и сдерживанию // Пути к миру и безопасности. 2015. № 1(48). С. 48-66.
5. Богатуров А. Контрреволюция ценностей и международная безопасность // Международные процессы. 2008. № 2. Т. 6. С. 4-15.
6. В Южной Корее появится крупнейшая в мире военная база США // Российская газета. 15.12.2015. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/15/baza-site-anons.html> (дата обращения: 28.01.2016).
7. Военный бюджет США. Что может себе позволить Америка // Вести экономика. 21.04.2014. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/41963> (дата обращения: 28.01.2016).
8. Войны в Ираке и Афганистане обошлись США в \$1,6 трлн // Интерфакс. 19.12.2014. URL: <http://www.interfax.ru/world/414170> (дата обращения: 28.01.2016).
9. Строкань С. Кондолиза Райс назвала врагов человечества. Это Северная Корея, Иран и многополярность // Коммерсантъ. 28.06.2003. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/392129> (дата обращения: 28.01.2016).
10. Иванов В. Тихоокеанская поступь Белого дома // Независимое военное обозрение. 19.06.2015 URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2015-06-19/1_pentagon.html (дата обращения: 28.01.2016).
11. Катар объявил о готовности участвовать в наземной операции в Сирии // Лента.ру. 15.02.2016. URL: <https://lenta.ru/news/2016/02/15/> (дата обращения: 28.01.2016).
12. Керри: Пока Асад находится у власти, остановить войну невозможно // РИА Новости. 05.12.2015. URL: http://ria.ru/syria_chronicle/20151205/1336675913.html (дата обращения: 28.01.2016).
13. Кирьянов О. США расширят военное присутствие на Филиппинах // Российская газета. 28.04.2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/04/28/filippini-site-anons.html> (дата обращения: 28.01.2016).
14. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. О новой военной доктрине Б. Обамы // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 3 (12). С. 98-113.
15. Люттвак Э. Стратегия Византийской империи. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, Университет Дмитрия Пожарского, 2010. 664 с.
16. Мамонов М. Возможна ли война между Америкой и Китаем // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 2 (29). С. 135-142.
17. Мамонов М. Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Observer. 2012. № 11. С. 88-96.
18. Марин А. Стратегия национальной безопасности США // Зарубежное военное обозрение. 2015. №6. С. 3-10.
19. Мигранян А. Внутривосточная ситуация в Соединенных Штатах // Россия в глобаль-

- ной политике. URL: <http://www.globalaffairs.ru/docs/migranyan.pdf> (дата обращения: 28.04.2013).
20. МИД КНР: США наращивают военное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе // ТАСС. 03.11.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2403278> (дата обращения: 28.01.2016).
 21. Поузен Б. Умерить пыл // Россия в глобальной политике. 2013. №1. С. 116 – 128.
 22. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: ИИК «Российская газета», 2009. 239 с.
 23. Сизов В. Фактор силы в политике США // Международные процессы. 2009. № 2. С. 33-40.
 24. Сушенцов А. Стратегия военного присутствия США в Азии // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 2(29). С.130-134.
 25. Сушенцов А.А. Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов / отв. ред. А.Д.Богатуров М.: МГИМО-Университет, 2013. 249 с.
 26. США потратили на войну в Ираке \$2 трлн. // РБК. 14.03.2013. URL: <http://www.rbc.ru/economics/14/03/2013/849254.shtml> (дата обращения: 28.01.2016).
 27. Турция и Саудовская Аравия начали совместные военно-воздушные учения // Интерфакс. 15.02.2016. URL: <http://www.interfax.ru/world/494791> (дата обращения: 28.03.2016).
 28. Шаклеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 4. С. 6-19.
 29. Эксперты: усиление восточного фланга НАТО может развязать руки Турции // РИА Новости. 11.02.2016. URL: <http://ria.ru/world/20160211/1372907003.html> (дата обращения: 28.03.2016).
 30. Эр-Рияд заявил о готовности снабдить сирийскую оппозицию мощным оружием // Лента.ру. 16.02.2016. URL: <https://lenta.ru/news/2016/02/16/saudiarabiaarms> (дата обращения: 28.03.2016).
 31. Vacevich A.J. Ending Endless War. A Pragmatic Military Strategy // Foreign Affairs. 2016. № 5. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-08-03/ending-endless-war> (дата обращения: 28.03.2016).
 32. Brooks S.G. and Wohlforth W.C. America Abroad: The United States Global Role in the 21st Century. Oxford University Press, 2016. 288 p.
 33. Bush G., Scowcroft B. A World Transformed. N.Y., 1998. 590 p.
 34. Huntington S. The Lonely Superpower // Foreign Affairs. 1999. Vol. 78. No. 2. Pp. 35–49.
 35. Kaplan R.D. Eurasia's Coming Anarchy. The Risks of Chinese and Russian Weakness // Foreign Affairs. 2016. No. 3. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-02-15/eurasias-coming-anarchy> (дата обращения: 28.03.2016).
 36. Mann M. Incoherent Empire. London: Verso, 2005. 278 p.
 37. Mearsheimer J.J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault // Foreign Affairs. 2014. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault> (дата обращения: 28.01.2017).
 38. National Security Strategy. The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 28.01.2016).
 39. «Prevent the Reemergence of a New Rival» The Making of the Cheney Regional Defense Strategy, 1991-1992. URL: <http://nsarchive.gwu.edu/nukevault/ebb245/index.htm#1> (дата обращения: 28.01.2016).
 40. Rice C. Rethinking the National Interest // Foreign Affairs July/August 2008. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2008-06-01/rethinking-national-interest> (дата обращения: 28.01.2016).
 41. Rice C. US must recall it is not just any country // FT. 26.07.2012. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/f4837046-d67b-11e1-ba60-00144feabdc0.html#axzz3ssMzreyc> (дата обращения: 28.01.2016).
 42. Secretary Rumsfeld Interview // The New York Times. 12.10.2001.
 43. Sheehan M. The balance of power. History and theory. London: Routledge, 2000. 226 p.
 44. The Nation: США – рекордсмены по числу вредоносных военных баз // РИА Новости. 16.09.2015. URL: <http://ria.ru/world/20150916/1255446694.html> (дата обращения: 28.01.2016).
 45. The National Military Strategy of the United States of America 2015. URL: http://www.jcs.mil/portals/36/documents/publications/2015_national_military_strategy.pdf (дата обращения: 28.03.2016).
 46. The National Security Strategy of the United States of America // The White House. Washington, September, 2002. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (дата обращения: 28.03.2016).
 47. To Paris, U.S. Looks Like a «Hyperpower» // The New York Times. 05.02.1999. URL: http://www.nytimes.com/1999/02/05/news/05iht-france.t_0.html (дата обращения: 28.03.2016).

48. Thornberry M., Krepinevich A.F. Jr. Preserving Primacy A Defense Strategy for the New Administration // *Foreign Affairs*. № 5. September/October 2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/north-america/2016-08-03/preserving-primacy> (дата обращения: 03.08.2016).
49. Védrine H. *Face à l'hyperpuissance: Textes et discours (1995-2003)* Paris: Fayard, 2003. 384 p.
50. Vice President Richard Cheney. Remarks at the 2006 Vilnius Conference. 04.05.2006. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/05/20060504-1.html> (дата обращения: 28.01.2016).
51. Wohlforth W.C., Kaufman S. Testing Balance-of-Power Theory in World History // *European Journal of International Relations*. 2007. №13 (2).
52. Zenko M., Fellow S., Lissner R. F. Trump Is Going to Regret Not Having a Grand Strategy // *Foreign Policy*. 13.01.2017. URL: <http://foreignpolicy.com/2017/01/13/trump-is-going-to-regret-not-having-a-grand-strategy/> (дата обращения: 10.02.2017).

Об авторе:

Василий Валерьевич Шишков – к.полит.н., доцент Института права и безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Российская Федерация 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1. E-mail: fh55@mail.ru.

CRISIS OF GLOBAL HEGEMONY: THE OVERSTREACH OF US HYPERPOWER IN THE 21ST CENTURY

V.V. Shishkov
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-36-56

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The structural change of international relations system at the end of the Cold war has resulted in US becoming the sole superpower or hyperpower. The US took advantage of this position and strived to build a hegemonic world order based on US military-strategic superiority and soft-power. Implementation of this strategy results in "imperial overstrain" a serious revision of US strategic planning in 2010 and 2015. In the context of the continuing decline in the power of the United States (economic, technological and military) relative to other centers of power, it is nonmilitary political methods and instruments that, together with "soft power" and military pressure, increasingly come to the fore in US realizing global geopolitical aspirations. The new imperative of US strategy is deterrence of Russia and China, which could result only in the crisis of global hegemony and the rise of conflicts in world politics.

Key words: post-bipolar system of international relations, Pax Americana, unilateralism, hegemonic, hyperpower, the US National Security Strategy 2010, the US National Security Strategy of the 2015 National Military Strategy of the USA in 2015.

References

1. Brooks S., G. Ikenberry J., and Wohlforth W. Lean Forward. *Foreign Affairs*. January/February 2013 No.1. (Russ. ed.: Aikenberri Dzh, Bruks S., Uolfort U. Nazad puti net. Rossiia v global'noi politike, 2013, no. 1, pp. 130 – 145.). (In Russian).
2. Akishev M. Vozmutiteli tikhookeanskogo spokoistviia [Disturbers of the peace of the Pacific]. *Expert Online*, 18.11.2011. Available at: <http://expert.ru/2011/11/18/vozmutiteli-tihookeanskogo-spokojstviya/> (Accessed: 28.01.2016). (In Russian).
3. Amerikanskaia strategiia "perebalansirovki" sil v ATR i interesy natsional'noi bezopasnosti Rossii [The American strategy of "rebalancing" of forces in the Asia-Pacific region and the interests of national security of Russia]. *Problemy natsional'noi strategii*, 2015, no. 4 (31), pp. 9-43. (In Russian).
4. Bartenev V. «Strategiia natsional'noi bezopasnosti SShA» 2015 goda: ot vseob'emliushchego k selektivnomu vovlecheniiu i sderzhivaniuu ["The national security strategy of the USA" in 2015: from comprehensive to selective engagement and deterrence]. *Puti k miru i bezopasnosti*, 2015, no. 1(48), pp. 48-66. (In Russian).
5. Bogaturov A. Kontrrevoliutsiia tsenoznositel' i mezhdunarodnaia bezopasnost' [The counter-revolution of values and international security] // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2008, no. 2, vol. 6, pp. 4-15 (in Russian).
6. V Iuzhnoi Koree poiavitsia krupneishaiia v mire voennaia baza SShA [South Korea will have the world's largest U.S. military base]. *Rossiiskaia gazeta*, 15.12.2015. Available at: <http://www.rg.ru/2015/12/15/baza-site-anons.html>. (Accessed 28.01.2016). (In Russian).
7. Voennyi biudzhzet SShA. Chto mozhet sebe pozvolit' Amerika [The US military budget. Can afford America]. *Vesti ekonomika*, 21.04.2014. Available at: <http://www.vestifinance.ru/articles/41963>. (Accessed 28.01.2016). (In Russian).
8. Voiny v Irake i Afganistane oboshlis' SShA v \$1,6 trln. [The war in Iraq and Afghanistan has cost the U.S. \$1.6 trillion]. *Interfaks*, 19.12.2014. Available at: <http://www.interfax.ru/world/414170>. (Accessed 28.01.2016). (In Russian).
9. Strokan' S. Kondoliza Rais nazvala vragov chelovechestva. Eto Severnaia Kor-eia, Iran i mnogopoliarnost' [Speech by C. Rice at the International Institute for strategic studies London.]. *Kommersant*®, 28.06.2003. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/392129>. (Accessed: 28.01.2016). (In Russian).
10. Ivanov V. Tikhookeanskaia postup' Belogo doma [Pacific upstaged by White house]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, 19.06.2015. Available at: http://nvo.ng.ru/gpolit/2015-06-19/1_pentagon.html. (Accessed 28.01.2016). (In Russian).
11. Katar ob"iavil o gotovnosti uchastvovat' v nazemnoi operatsii v Sirii [Qatar has announced its willingness to participate in a ground operation in Syria]. *Lenta.ru*, 15.02.2016. Available at: <https://lenta.ru/news/2016/02/15/1/> (Accessed 28.01.2016). (In Russian).
12. Kerri: Poka Asad nakhoditsia u vlasti, ostanovit' voinu nevozmozhno [Kerry: as long as Assad is in power, to stop the war is impossible]. *RIA Novosti*, 05.12.2015. Available at: http://ria.ru/syria_chronicle/20151205/1336675913.html. (Accessed 28.01.2016). (In Russian).
13. Kir'ianov O. SShA rasshiriat voennoe prisutstvie na Filipinakh [U.S. to expand military presence in the Philippines]. *Rossiiskaia gazeta*, 28.04.2014. Available at: <http://www.rg.ru/2014/04/28/filippini-site-anons.html>. (Accessed 28.01.2016). (In Russian).
14. Konyshev V.N., Sergunin A.A. O novoi voennoi doktrine B. Obamy [About the new military doctrine of Barack Obama]. *Problemy natsional'noi strategii*, 2012, no. 3 (12), pp. 98-113. (In Russian).
15. Luttwak E.N. *The grand strategy of the Byzantine Empire*. Massachusetts/London, Belknap Press of Harvard University Press Publ., 2009. 512 p. (Russ. ed.: Lutvak E. Strategiia Vizantiiskoi imperii. Moscow, Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniuu i Nauke, Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2010. 664 p.). (in Russian).

16. Mamonov M. Vozmozhna li voina mezhdu Amerikoi i Kitaem [Can there be a war between America and China]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2012, vol. 10, no. 2(29), pp. 135-142. (In Russian).
17. Mamonov M. Politika SShA v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [U.S. policy in the Asia-Pacific region]. *Observer*, 2012, no. 11, pp. 88-96. (In Russian).
18. Marin A. Strategiiia natsional'noi bezopasnosti SShA (2015) [The national security strategy of the USA (2015)]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, 2015, no. 6, pp.3-10. (In Russian).
19. Migranian A. Vnutripoliticheskaia situatsiia v Soedinennykh Shtatakh [The internal political situation in the United States]. *Rossia v global'noi politike*. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/docs/migranyan.pdf>. (Accessed 28.04.2013). (In Russian).
20. MID KNR: SShA narashchivaiut voennoe prisutstvie v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [The Chinese foreign Ministry: US increasing military presence in the Asia-Pacific region]. *TASS*, 03.11.2015. Available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2403278>. (Accessed 28.01.2016).
21. Pouzen B. Umerit' pyl [Moderate heat]. *Rossia v global'noi politike*, 2013, no.1, pp. 116 – 128. (In Russian).
22. Primakov E.M. *Mir bez Rossii? K chemu vedet politicheskaia blizorukost'* [World without Russia? The consequences of political myopia]. Moscow, Rossiiskaia gazeta Publ., 2009. 239 p.
23. Sizov V. Faktor sily v politike SShA [The power factor in U.S. policy]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2009, no. 2. pp. 33-40. (In Russian).
24. Sushencov A. Strategiiia voennogo prisutstviia SShA v Azii [The strategy of the US military presence in Asia]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2012, vol. 10, no. 2(29), pp.130-134. (In Russian).
25. Sushencov A.A. *Ocherki politiki SShA v regional'nykh konfliktakh 2000-h godov* [Essays on U.S. policy in regional conflicts of the 2000s years]. Ed. by Bogaturov A.D. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2013. 249 p. (In Russian).
26. SShA potratili na voynu v Irake \$2 trln. [The U.S. spent on the Iraq war \$2 trillion]. *RBK*, 14.03.2013. Available at: <http://www.rbc.ru/economics/14/03/2013/849254.shtml>. (Accessed 28.01.2016). (In Russian).
27. Turtsiia i Saudovskaia Araviia nachali sovmestnye voenno-vozdushnye ucheniia [Turkey and Saudi Arabia have launched a joint military air exercises]. *Interfaks*, 15.02.2016. Available at: <http://www.interfax.ru/world/494791> (Accessed 28.03.2016). (In Russian).
28. Shakleina T.A. Liderstvo i sovremennyi mirovoi poriadok [Leadership and the modern world order]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2015, vol. 13, no. 4, pp. 6-19. (In Russian).
29. Eksperty: usilenie vostochnogo flanga NATO mozhet razviazat' ruki Turtsii [Experts: strengthening of the Eastern flank of NATO can untie the hands of Turkey]. *RIA Novosti*, 11.02.2016. Available at: <http://ria.ru/world/20160211/1372907003.html> (Accessed 28.03.2016). (In Russian).
30. Er-Riad zaiavil o gotovnosti snabdit' siriiskuiu oppozitsiiu moshchnym oruzhiem [Riyadh has said it is ready to supply the Syrian opposition a powerful weapon]. *Lenta.ru*, 16.02.2016. Available at: <https://lenta.ru/news/2016/02/16/saudiarabiaarms/> (Accessed: 28.03.2016). (In Russian).
31. Bacevich A.J. Ending Endless War. A Pragmatic Military Strategy. *Foreign Affairs*, 2016, no. 5. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-08-03/ending-endless-war> (Accessed: 28.03.2016).
32. Brooks S.G. and Wohlforth W.C. *America Abroad: The United States Global Role in the 21st Century*. Oxford University Press, 2016. 288 p.
33. Bush G., Scowcroft B. *A World Transformed*. New York, 1998. 590 p.
34. Huntington S. The Lonely Superpower. *Foreign Affairs*, 1999, vol. 78, no. 2, pp. 35-49.
35. Kaplan R.D. Eurasia's Coming Anarchy. The Risks of Chinese and Russian Weakness. *Foreign Affairs*, 2016, no. 3. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/>

- articles/china/2016-02-15/eurasias-coming-anarchy (Accessed: 28.03.2016).
36. Mann M. *Incoherent Empire*. London, Verso Publ., 2005. 278 p.
 37. Mearsheimer J.J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault. *Foreign Affairs*, 2014. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault> (Accessed 28.01.2017).
 38. National Security Strategy. *The White House*. Available at: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (Accessed 28.03.2016).
 39. «Prevent the Reemergence of a New Rival». *The Making of the Cheney Regional Defense Strategy, 1991-1992*. Available at: <http://nsarchive.gwu.edu/nukevault/ebb245/index.htm#1>. (Accessed 28.01.2016).
 40. Rice C. Rethinking the National Interest. *Foreign Affairs*, 2008. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2008-06-01/rethinking-national-interest>. (Accessed 28.03.2016).
 41. Rice C. US must recall it is not just any country. *FT*, 26.07.2012. Available at: <http://www.ft.com/cms/s/0/f4837046-d67b-11e1-ba60-00144feabdc0.html#axzz3ssMzreyc>. (Accessed 28.03.2016).
 42. Secretary Rumsfeld Interview. *The New York Times*, 12.10.2001.
 43. Sheehan M. *The balance of power. History and theory*. London, Routledge, 2000. 226 p.
 44. The Nation: SShA – rekordsmeny po chislu vredonosnyh voennyh baz. *RIA Novosti*, 16.09.2015. Available at: <http://ria.ru/world/20150916/1255446694.html>. (Accessed 28.01.2016).
 45. *The National Military Strategy of the United States of America 2015*. Available at: http://www.jcs.mil/portals/36/documents/publications/2015_national_military_strategy.pdf (Accessed 28.03.2016).
 46. The National Security Strategy of the United States of America. *The White House*. Washington, September, 2002. Available at: <http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (Accessed 28.03.2016).
 47. To Paris, U.S. Looks Like a «Hyperpower». *The New York Times*, 05.02.1999. Available at: http://www.nytimes.com/1999/02/05/news/05iht-france.t_0.html. (Accessed: 28.03.2016).
 48. Thornberry M., Krepinevich A.F. Jr. Preserving Primacy A Defense Strategy for the New Administration. *Foreign Affairs*, 2016, no. 5. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/north-america/2016-08-03/preserving-primacy> (Accessed: 28.12.2016).
 49. Védrine H. *Face à l'hyperpuissance: Textes et discours (1995-2003)*. Paris, Fayard Publ., 2003. 384 p.
 50. *Vice President Richard Cheney. Remarks at the 2006 Vilnius Conference*. 04.05.2006. Available at: <http://georgewebush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/05/20060504-1.html> (Accessed 28.01.2016).
 51. Wohlforth W.C., Kaufman S. Testing Balance-of-Power Theory in World History. *European Journal of International Relations*, 2007, no. 13(2), pp. 155-185.
 52. Zenko M., Fellow S., Lissner R. F. Trump Is Going to Regret Not Having a Grand Strategy. *Foreign Policy*, 13.01.2017. Available at: <http://foreignpolicy.com/2017/01/13/trump-is-going-to-regret-not-having-a-grand-strategy/> (Accessed 10.02.2017).

About the author:

Vasily Valerievich Shishkov – PhD in Political Science, assistant professor of Institute of Law and Security Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 82, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119606. E-mail: fh55@mail.ru.